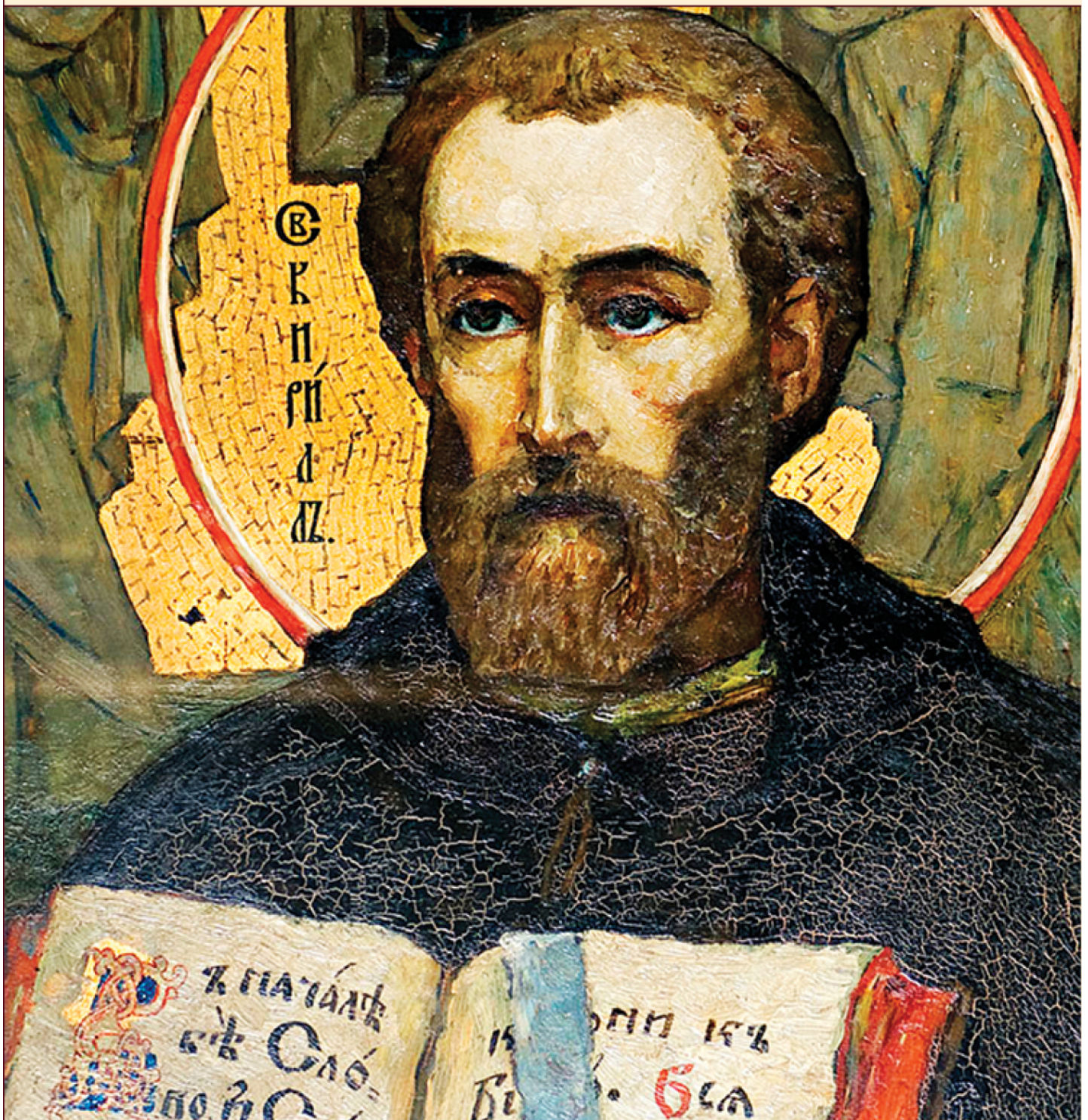

ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

Слово о человеке.
О чудесах и знамениях

Библиотека всемирной литературы (Эксмо)

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

**Слово о человеке. О
чудесах и знамениях**

«Эксмо»

1865

УДК 271.2
ББК 86.372

(Брянчанинов) С.

Слово о человеке. О чудесах и знамениях / С. (Брянчанинов) —
«Эксмо», 1865 — (Библиотека всемирной литературы (Эксмо))

ISBN 978-5-04-097446-7

В книгу вошли работы епископа Игнатия (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1867) – известного проповедника, канонизированного русской православной церковью в 1988 году, автора духовных трудов – «Слово о человеке», «Понятие о ереси и расколе», «О чудесах и знамениях», «Будущее России в руках Божественного промысла» и другие. «Ищите всюду Духа, а не буквы» – писал Игнатий Брянчанинов.

УДК 271.2

ББК 86.372

ISBN 978-5-04-097446-7

© (Брянчанинов) С., 1865

© Эксмо, 1865

Содержание

Жизнеописание Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году	6
Вступление	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	27
Слово о человеке	31
Введение	31
Определение человека	33
Мироздание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игнатий Брянчанинов

Слово о человеке. О чудесах и знамениях

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Жизнеописание Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году

*«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие:
ихже взирающе на скончание жития, подражайте вере их».*
(Евр. XIII, 7)

Вступление

Истекло двенадцать лет со дня мирной кончины приснопамятного святителя – инок Церкви Русской XIX века, преосвященнейшего епископа Игнатия Брянчанинова. Близко еще время его к нам, живы еще многие его современники, спостники, ученики, и между тем светлая личность святопочившего святителя Божия высоко уже стоит над нами, светло светит нам светом христианских его добродетелей, подвигами строго-иноческого его жития и аскетическими его писаниями. Краса иночества нашего века, святитель является деятельным учителем иноков, и не только в писаниях своих, но и во всей жизни своей представляет дивную картину самоотвержения, близкого к исповедничеству, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями, картину жизни, которая при помощи и действии обильной благодати Божией увенчалась победой, привлекла к подвижнику многие редкие дары Святаго Духа. С благоговением следя за этим многострадальным и многоскорбным шествием подвижника к преуспеянию духовному и ясно созерцая при этом особое водительство промысла Божия во всей его жизни, невольно ощущаешь живое познание веры в отеческое попечение о нас Бога, Творца и Спасителя нашего, и проникаешься желанием подражать по мере сил этому, современному нам, образцу совершенства христианского. Предоставляя будущему биографу подробную и обстоятельную оценку плодотворной деятельности незабвенного святителя, мы в настоящую минуту решились предложить только краткое жизнеописание в Бозе почившего преосвященного Игнатия, составленное по запискам ближайших его учеников и родного брата его Петра Александровича Брянчанинова, глубоко преданного ему в отношении духовном, разделявшего с ним уединение последних лет жизни его на покое в Николо-Бабаевском монастыре и пользовавшегося полным доверием и любовью блаженного святителя, так равно и сподвижника – друга его, от ранних лет юности и до глубокой старости, Сергиевой пустыни схимонаха Михаила Чихачова, с которым начал он свой подвиг иноческий и вместе с ним проходил его до самого епископства, – друга, пред которым святитель не таил ни одного из событий своей жизни, и, наконец, главное – руководились собственными повествованиями архипастыря-инок о своих немощах, борениях, скорбях, чувствах и благодатных ощущениях, которые изложены им в его творениях. Все сочинения вообще, а духовно-нравственные преимущественно, обладают тем свойством, что в них вполне точно выражается внутренняя жизнь их авторов. Таким образом, сочинения дают обильный материал биографу для начертания характеристики лица, этой существенной части жизнеописания, но чтобы в неложных чертах изобразить жизнь преосвященного Игнатия, надлежит самому изучить и испытать нечто такое, что он изучал и испытывал. Изучение же здесь так мало доступно, опыты столь исключительны, что всего менее зависят от собственных усилий и воли человека. Кто промыслом Божиим поставлен на подобную дорогу и отчасти введен в горнило подобных испытаний, лишь тот может знать всю особенность таких опытов, и с этой стороны правильнее оценить деятельность представителя их. Жизнеописания особенно замечательных или передовых людей отличаются тем признаком, что в них преимущественно выказывается какая-нибудь одна сторона, с которой деятельность

этих лиц особенно проявляется, которая отличает их резкими, характеристическими чертами и сосредоточивает на себе все внимание: это как бы лицевая сторона всей их деятельности, скрывающая за собою все прочие. В жизнеописаниях таких личностей необходимо схватывать этот признак и проводить его вполне от начала до конца жизнеописания; тогда оно будет иметь свойственную выдержку. В этом отношении жизнь преосвященного Игнатия имеет особенное преимущество: она представляет такую отличительную сторону, которая совершенно выделяет его личность в ряду прочих современных ему духовных деятелей. Такую сторону его жизни составляет полное самоотвержение ради точного исполнения евангельских заповедей в потаенном иноческом духовном подвиге, послужившем предметом нового, аскетически-богословского учения в нашей духовной литературе, – учения о внутреннем совершенствовании человека в быту монашеском и отношений его к другим духовным существам, влияющим на него как по внутреннему человеку, так и со стороны внешней или физической. Вот та особенность, которая отличает преосвященного Игнатия в ряду прочих духовных писателей нашего времени, особенность резкая, однако не всеми точно усматриваемая, верно различаемая.

Глава I

Преосвященный Игнатий был избран на служение Богу от чрева матери. Такое избрание – удел весьма редких и нарочитых служителей Божиих – предназначено было следующим обстоятельством. Родители преосвященного сочетались браком в ранней молодости. В начале супружества у них родилось двое детей, но родители недолго утешались ими; оба детища умерли на первых днях младенчества, и юная чета пребывала долго бездетною. В глубокой печали о своем продолжительном бесчадии молодые супруги обратились к единственной помощи – помощи Небесной. Они предприняли путешествие по окрестным святым местам, чтобы усердными молитвами и благотворением исходатайствовать себе разрешение неплодия. Благочестивое предприятие увенчалось успехом: плодом молитв скорбящих супругов был сын, нареченный Димитрием, в честь одного из первых чудотворцев Вологодских преподобного Димитрия Прилуцкого. Таким образом, очевидно, неплодство молодых Брянчаниновых было устроением промысла Божия, чтобы рожденный после неплодства первенец, испрошенный молитвою, впоследствии сделался ревностным делателем ее и опытным наставником. Младенец Димитрий родился 6 февраля 1807 года в селе Покровском, которое было родовым имением его отца и находится в Грязовецком уезде Вологодской губернии. Будущий инок имел счастливую участь провести свое детство в уединении сельской жизни, в ближайшем соприкосновении с природою, которая, таким образом, явилась первою его наставницею. Она вселила в него склонность к уединению: отрок часто любил оставаться под тенью вековых деревьев обширного сада и там, одинокий, погружался в тихие думы, содержание которых, без сомнения, заимствовалось из окружающей природы. Величественная и безмолвная, она рано начала влиять на него своими вдохновляющими образами: она внушала его детской душе, еще незапятнанной житейской мелочностью, иные, более возвышенные стремления, какими бывает полна жизнь пустынная, она восхищала его сердце более живыми, чистыми чувствованиями, какие способны доставить только уединение. Отрок рано научился понимать этот безмолвный голос природы и отличать его от шума житейского. Явления домашней жизни не действовали на него впечатлительно – он более углублялся в себя и среди изящной светской обстановки казался питомцем пустыни. Искра Божественной любви запала в его чистое сердце. Она сказалась в нем безотчетным влечением к иночеству, к его высоким идеалам, которыми так полна родная сторона, особенным расположением ко всему священному и истинно прекрасному, сколько это доступно для детского возраста. С этой ранней поры жизни дальнейший путь ее уже определился. Отрок духовно был отделен от мира. Такое настроение малолетнего Димитрия не могло рассчитывать на сочувствие со стороны родителей. Его отец Александр Семенович Брянчанинов, потомок древних дворян Брянчаниновых, фамилии весьма известной и чтимой в Вологде, был в полном смысле слова светский человек. Паж времени Императора Павла Петровича, он имел необыкновенно развитый вкус к изяществу в домашней обстановке и представлял собою совершенный тип современного передового русского помещика. Наследовав от своих родителей значительное имение, он должен был истощить большую часть его на уплату огромных долгов, после чего ему осталось около четырехсот душ крестьян да живописное село Покровское, издавна бывшее местопребыванием его предков, родина будущего святителя. Супруга его, мать преосвященного Игнатия, София Афанасьевна происходила также из фамилии Брянчаниновых и, как женщина замечательного образования, весьма благочестивая, памятуя, что муж есть глава, во всем подчинялась влиянию мужа, разделяя его взгляды и понятия. Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил просвещение¹, а потому и детям своим старался дать, по возможности, основательное

¹ Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил

воспитание, чтобы приготовить из них истинных сынов Отечества, преданных престолу, верных Православию. Давая такое воспитание, он не чужд был честолюбия видеть впоследствии сыновей своих занимающими почетные должности на государственной службе. От проницательности юного Димитрия не могла укрыться эта черта его родителя, черта, совершенно противоположная намерениям и стремлениям юноши, и вот начало внутренней борьбы, начало страданий и испытаний, сделавшихся потом уделом всей жизни почившего владыки.

Все дети в семействе Брянчаниновых, братья и сестры Димитрия Александровича, воспитывались вместе, связанные взаимной дружбой, но все признавали главенство Димитрия, и признавали не потому только, что он был старший, а вследствие особого, высшего, так сказать, склада его ума и характера, вследствие нравственного его превосходства. Пользуясь всегдашним уважением от братьев и сестер и превосходя всех их в научных способностях и других дарованиях, Димитрий Александрович не обнаруживал ни малейшего превозношения или хвастовства. Зачатки иноческого смиренномудрия высказывались в тогдашнем его поведении и образе мыслей; по нравственности и уму он был несравненно выше лет своих, и вот причина, почему братья и сестры относились к нему даже с некоторым благоговением, а он, в свою очередь, сообщал им свои нравственные качества.

С возрастом религиозное настроение Димитрия Александровича обнаруживалось заметнее: оно проявлялось в особенном расположении к молитве и чтению книг духовно-нравственного содержания. Он любил часто посещать церковь, а дома имел обыкновение молиться часто в течение дня, не ограничиваясь установленным временем – утром и вечером. Молитва его не походила на урочное вычитывание, часто торопливое и машинальное, что так обыкновенно у детей; он приучался к внимательной молитве, которая начинается с благоговейного предстояния и неспешного произношения слов молитвенных, и так преуспевал в ней, что еще в детстве наслаждался ее благодатными плодами. Учась молиться внимательно, он с благоговением относился ко всему священному, внушая это благоговение и прочим своим братьям и сестрам; Евангелие всегда читал с умилением, размышляя о читанном. Любимой его книгой было «Училище благочестия» в пяти томах старинного издания. Книга эта, содержащая краткое изложение деяний святых и избранные изречения их, весьма соответствовала настроению отрока, или, вернее, она настраивала его дух, предоставляя святым повествованиям и изречениям духоносных мужей самим действовать на него, без посредства посторонних пояснений. Способности Димитрия Александровича были весьма многосторонни: кроме установленных занятий в науках, он с большим успехом упражнялся в каллиграфии, рисовании, нотном пении и даже музыке, притом на самом трудном инструменте, какова скрипка. Выучивая очень скоро свои уроки, свободные часы он употреблял на чтение и разные письменные упражнения, в которых также начинало выказываться его литературное дарование. Наставниками его в это время были профессора Вологодской семинарии и учителя гимназии. Домашним учителем был студент семинарии Левитский, живший в семействе Брянчаниновых. Он же преподавал и Закон Божий. Левитский отличался замечательным благонравием и основательным знанием своего предмета. Он так хорошо умел ознакомить своего ученика с начальными истинами богословия, что Димитрий Александрович до конца жизни сохранял благодарное воспоминание о нем.

Жизнь Димитрия Александровича в доме родительском продолжалась до шестнадцатого года его возраста; этот первый период жизни уже был труден для него в духовном отношении тем, что внешние и внутренние условия жизни в доме родителей не допускали возможности открывать кому бы то ни было заветные желания и цели, наполнявшие тогда его душу. В заключение периода детства автора «Аскетических опытов» весьма назидательно привести

просвещение... – Все время жизни своей в с. Покровском он содержал постоянно, на полном своем иждивении, приходское двухклассное училище, в котором обучалось до 50 чел. крестьянских детей.

собственное его поведение об этом детстве. Вот как трогательно он говорит о себе в статье «Плач мой»: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца; начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии, но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, – я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков»².

В конце лета 1822 года, когда Димитрию Александровичу шел шестнадцатый год от рождения, родитель повез его в С.-Петербург для определения его в Главное инженерное училище, куда он был подготовлен домашним учением. Дорогой, близ Шлиссельбурга, отец внезапно обратился к сыну со следующим вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Пораженный такой небывалой откровенностью отца, сын не хотел более скрывать от него своей сердечной тайны, которой до сих пор никому не открывал; сперва он испросил у него обещание не сердиться, если ответ ему не понравится; затем, с твердостью воли и силой вполне искреннего чувства, сказал, что желает идти «в монахи». Решительный ответ сына, по-видимому, не подействовал на отца; он или не придавал ему значения на основании молодости отвечающего, или не хотел возражать по кажущейся несбыточности желания, которое совершенно расходилось с планами, какие он строил о будущности своего сына. В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен³. Благообразная наружность и отличная подготовка в науках обратили на молодого Брянчанинова особенное внимание Его высочества Николая Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором инженеров. Великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге, Государыне Великой княгине Александре Феодоровне, и рекомендовал как отлично приготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. Ее высочество благоволила приказать зачислить Брянчанинова Ее пенсионером. Сделавшись Императором, Николай Павлович и Императрица Александра Феодоровна продолжали оказывать свое милостивое расположение Брянчанинову. По сдаче экзамена Димитрий Александрович зачислен был в кондукторскую роту Главного инженерного училища, а действительная служба его стала считаться со дня принесения им присяги 19 января 1823 года. Успехи по наукам⁴, отличное поведение и расположение Великого князя выдвигали его на первое место между юкерами-товарищами: к концу 1823 года, с переводом в верхний кондукторский класс, он был назначен фельдфебелем кондукторской роты; в 1824 году был переведен из юнкерских классов в нижний офицерский (что ныне Николаевская инженерная академия) и 13 декабря произведен в инженер-прапорщики. Редкие умственные способности и нравственные качества Димитрия Александровича привлекали к нему профессоров и преподавателей училища; все они относились к нему с особенной благосклонностью, отдавая явное предпочтение пред прочими воспитанниками.

Наряду со служебно-учебной деятельностью Димитрий Александрович имел успехи и в светском обществе своими личными достоинствами. Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему

² ...я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков. – Аскетические опыты. Т. 1.

³ В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен. – В этом году на 30 вакансий было 130 конкурентов. Из числа их Брянчанинов не только был первым, но исключительно он один удовлетворил требованиям для поступления во 2-й кондукторский класс.

⁴ Успехи по наукам... – В самом непродолжительном времени Брянчанинов стал первым учеником своего класса и сохранил это место по наукам до самого выхода из училища.

внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Крылова, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, конечно, благотельно влияло на литературное развитие будущего писателя. Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей.

Описанный круг светского знакомства, к которому принадлежала имевшая большие связи тетка Дмитрия Александровича А. М. Сухарева, только внешним образом влиял на жизнь молодого человека, внутренняя жизнь которого развивалась самостоятельно, независимо от родственных и общественных связей. Дмитрий Александрович и в шуме столичной жизни остался верен своим духовным стремлениям, какие испытал в уединении отдаленной родины: он всегда искал в религии живого, опытного знания и, хранимый благодатью, не поддавался ни тлетворному влиянию чуждых учений, ни приманкам светских удовольствий. Вот с какой подробностью он сам, в вышеприведенной статье «Плач мой», описывает тогдашнее свое душевное состояние: «Вступил я в военную и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел – не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее! Науки человеческие, изобретение падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно – это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Воспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей...»

«Понятия мои были уже зрелее, я искал в религии определительности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли, я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу Северную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных»⁵.

⁵ ...мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных. – Аскетические опыты. Т. 1.

Глава II

Начало духовной деятельности, когда она предпринимается с определенной целью и становится преобладающей, чтобы затем сделаться вполне исключительной, сопровождается обыкновенно внутренней бранью помыслов и страстных чувствований. Брань эта столь сильна, что противостоять ей собственными силами нет никакой возможности – нужна помощь свыше. Димитрий Александрович обратился к молитве, творя ее внутренне, внимательно и непрестанно. Такая молитва, образуя внутреннего монаха, настраивает сообразно себе всю душевную деятельность человека, но такой молитве необходимо правильно обучаться, что и составляет предмет монашеского духовного делания. Он занимался умной молитвою и столь рачительно упражнялся в ней, что она творилась у него самодейственно. «Бывало, с вечера, – рассказывал он впоследствии о себе, – ляжешь в постель и, приподняв от подушки голову, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прекращая молитвы, встанешь утром идти на службу, в классы». Таким образом, будучи монахом по душе и еще на шестнадцатом году жизни испытал благодатное действие молитвы, набожный сей юноша не мог довольствоваться установленным в училище обычаем – только однажды в год приступать к таинствам исповеди и святого Причастия, а нуждался в более учащем подкреплении себя этою духовною пищей, почему для удовлетворения своего желания он обратился к законоучителю и духовнику училища. Такое необычайное среди юношества явление вызвало удивление духовника, особенно когда исповедующийся сказал, что «борим множеством греховных помыслов». Не делая различия между «греховными помыслами» и «политическими замыслами», отец протоиерей счел своей обязанностью довести об этом обстоятельстве до сведения училищного начальства. Начальник училища генерал-лейтенант граф Сиверс подверг обвиняемого юношу формальному допросу о значении помыслов, им самим признанных «греховными». Немецкое начальство⁶, не уяснив себе значения этого выражения, за Брянчаниновым стало следить. Неосмотрительность духовника повергла Брянчанинова в тяжкую ответственность пред своим начальством и довела до болезненного состояния; он принужден был избрать себе другого духовника. Посему Брянчанинов обратился к инокам Валаамского подворья, стал ходить туда каждую субботу и воскресенье для исповеди и святого Причастия и, наученный опытом, старался делать это скрытно от училищного начальства. В этом святом деле к нему присоединился товарищ по училищу Чихачов, из дворян Псковской губернии, одновременно с ним поступивший в училище и весьма любимый Государем Николаем Павловичем. Димитрий Александрович привязался к Чихачову самою искреннею дружбою, несмотря на несходство их характеров: первый был серьезен, задумчив, сосредоточен в себе, другой – весельчак, говорун, с душой нараспашку. Чихачов предался Брянчанинову скорее как сын отцу, нежели как брат брату: таково было влияние Димитрия Александровича на своего сотоварища. Самое первое знакомство этих двух молодых товарищей полно умиления и истинно-христианского характера. Однажды в дружеских разговорах Димитрий Александрович прервал веселую болтовню Чихачова, сказав ему: «Будь ты христианином!» – «Я никогда не бывал татарин», – возразил товарищ ему. – «Так, – сказал первый, – да надо слово это исполнить делом и углубиться поприлежнее в него». С того времени оба они ходили к инокам на подворье, исповедовались и причащались, молились, назидались душеспасительными беседами, подвизались. Вот как эти хождения описывает в своих записках сам Чихачов, где откровенно говорит, какое они производили на него действие: «В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. – «Зачем?» – «Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться

⁶ Немецкое начальство... – Инспектором училища был инженер ген. – майор барон Эльснер, с трудом объяснявшийся на русском языке.

святым Христовым Тайнам; смотри, и ты не отставай». Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! – «Не твое дело, а духовника», – отвечает храбро товарищ и любовь свою влечет за собою. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства, и вся обстановка, да к тому же и внутреннее сильное восстание страстей и привычек, разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своей немощью устоять, если бы не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня взрастлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще – поприще мученичества добровольного и исповедничества».

Иноки Валаамского подворья с любовью принимали молодых людей, потому что видели в них искреннее стремление к Богу и желание пути спасительного, но они, как люди без научного образования, по преимуществу ограничивавшиеся внешним подвигом, не могли удовлетворить вполне их духовных потребностей, почему и посоветовали молодым людям обращаться за душеназиданием к инокам Невской лавры. Там в это время пребывали некоторые ученики старцев отца Феодора и отца Леонида, мужей опытных в духовной жизни, получивших монашеское образование – первый у известного старца Паисия Величковского, архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря, а второй у учеников его. Таковы были монах Аарон, монахи Харитон, Иоанникий и другие. Молодые люди стали ходить к этим инокам; через них познакомились они с лаврским духовником отцом Афанасием, который своим истинно отеческим, любвеобильным обхождением поддержал их живое стремление к христианскому благочестию. Молодые люди радовались, найдя себе истинных наставников, понимавших их духовные нужды и могущих пользоваться обильно. Они усугубили свою ревность к подвигам благочестия, участили посещения свои к инокам, услаждались богослужением Лавры, которое производило на них благое впечатление, потому что было величественнее и продолжительнее, чем на Валаамском подворье. Они совещались с иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и т. п. Добрые иноки, особенно отец Иоанникий и духовник отец Афанасий, делились с монахолюбивыми и любомудрыми юношами всем, что составляло достояние их многолетней духовной опытности. Часто Димитрий Александрович удивлял их своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте. Такая тесная дружба с иноками имела соответственное себе действие. Димитрий Александрович сделался совершенным аскетом по душе, обложил себя творениями святых отцов, преимущественно подвижнического содержания, которые перечитывая с жадностью, еще более углублялся в самосозерцание и, видимо, охладел к светскому обществу. В «Плаче» своем так говорит он о себе: «Пред взорами ума уже были грани знаний человеческих в высших окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельской кротостью; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой истинной веры христианской, чрез семнадцать столетий по воплощении Бога Слова. Ах! В каком тягостном недоумении плавала душа моя!

* * *

И начал я часто, со слезами, умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению, чтоб указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучить веру в источниках – в писаниях святых отцов. «Их святость, – говорила она мне, – ручается за их верность: их избери в руководители». Повинуясь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих, с жадностью начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? – Это их согласие, согласие чудное, величественное... Какое между прочим учение нахожу в них? Нахожу учение, повторенное всеми отцами, учение, что единственный путь к спасению – последование неуклонное наставлениям святых отцов. «Видел ли ты, – говорят они, – кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов – знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению отцов, из которых составляется догматическое и нравственное предание Церкви...»

* * *

Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране Истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль – дар бесценный всеблагого Бога, хотящего всем человекам спастись и прийти в познание Истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей! Эта мысль соделалась моей звездой путеводительницей! Она начала постоянно освящать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу.

* * *

Таковы благодеяния, которыми ущедрил меня Бог мой! Таково нетленное сокровище, наставляющее в блаженную вечность, ниспосланное мне свыше от Горнего Престола Божественной милости и премудрости... Бог, Сам Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира. Я жил посреди мира, но не был на общем, широком, углаженном пути: мысль благая повела меня отдельною стезею к живым, прохладным источникам вод, по странам плодоносным, по местности живописной, но часто дикой, опасной, пересеченной пропастями, крайне уединенной. По ней редко странствует путник.

* * *

Чтение отцов с полною ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены вероисповедания Западной Европы, как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества, в чем состоит падение человека, почему необходим Икупитель, в чем заключается спасение, доставленное и доставляемое Икупителем. Оно твердило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа мертва, а христианство – слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня смотреть на вечность, как на вечность, пред которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полутолением. Оно научило меня,

что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях готовятся ко входу в великолепные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети»⁷.

⁷ ...все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети. – Аскетические опыты. Т. 1.

Глава III

Духовные стремления юного подвижника, его ревность, усердие к молитве выдерживали тяжкое испытание. Первыми врагами на пути спасения явились его домашние. Александр Семенович приставил для служения к своему сыну человека, который был предан ему до самозабвения, это был старик лет шестидесяти по имени Доримедонт, послуживший век своей верой и правдой своему господину. Он был, так сказать, надзирателем всех поступков Дмитрия Александровича и сообщал их Александру Семеновичу. Тяжелы были эти известия родителю. Он вспомнил тогда о выраженном на пути в Петербург желании сына и убедился теперь, что то не был детский каприз. Он тогда же написал обо всем начальнику училища графу Сиверсу, своему бывшему товарищу по службе в пажах, и просил его наблюдать за воспитанником Брянчаниновым; написал также родственнице своей Сухаревой, прося ее отвлечь его сына от принятого им намерения. Училищное начальство приняло свои меры, переведя Брянчанинова с частной квартиры в казенную, в стены Михайловского инженерного замка, под строгий надзор, а Сухарева, особа влиятельная, озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима, что ее племянник Брянчанинов, любимый Государем Императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник Афанасий склоняет его к монашеству, и что если об этом будет узноано при Дворе, то и ему – митрополиту – не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова и Чихачова. Тяжелы были для Дмитрия Александровича эти обстоятельства, которыми стеснялась свобода его духовной деятельности; он решился сам представиться митрополиту и лично объяснитьсь. Митрополит сначала не верил бескорыстному стремлению юноши, когда тот в разговоре объявил ему свое неперменное желание вступить в монашество, но потом, выслушав внимательно искренние заявления молодого человека, митрополит позволил ему по-прежнему ходить в Лавру к духовнику.

Таково было стремление Брянчанинова к жизни иноческой; это было не прихотливое желание представлять из себя оригинала в обществе, не было следствием простого разочарования жизнью, которой горечи и удовольствий он еще не успел испытать: это было чистое намерение, чуждое всяких расчетов житейских, искреннее, святое чувство любви Божественной, которая одна способна с такой силой овладевать существом души, что никакие препятствия не в состоянии преодолеть ее.

Практика монастырской жизни определительно указывает, что чистосердечно избирающие ее готовы на всякие пожертвования и на совершенное самоотвержение. Вот какие чувства изливаются в «Плаче», где автор аскетических опытов говорит:

«Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному! Я решился оставить мир, жизнь земную посвятить для познания Христа, для усвоения Христу. С этим намерением я начал рассматривать монастырское и мирское духовенство. И здесь встретил меня труд; его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видел все близко и по вступлении в монастырь не нашел ничего нового, неожиданного. Сколько было препятствий для этого вступления! Оставляю упоминать о всех; самое тело вопияло мне: «Куда ведешь меня? Я так слабо и болезненно. Ты видел монастыри, ты коротко познакомился с ними; жизнь в них для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанию твоему, и по всем прочим причинам». Разум подтверждал доводы плоти. Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, ангела хранителя, сказывавшего мне волю Божию, потому что голос был решителен и повелительный. Он говорил мне: это сделать твой долг, долг неперменный. Так

силен был голос, что представления разума, жалостные, основательные, по-видимому, убеждения плоти, казались пред ним ничтожными»⁸.

Кроме случаев и обстоятельств, зависящих от воли людей, самая природа ставила препятствия благочестивым намерениям юного Димитрия. Весною 1826 года он заболел тяжкою грудною болезнью, имевшею все признаки чахотки, так что не в силах был выходить. Государь Император Николай Павлович приказал собственным медикам пользоваться больным и еженедельно доносить ему о ходе болезни. Доктора объявили Димитрию Александровичу об опасности его положения, сам он считал себя на пороге жизни и частыми молитвами готовился к переходу в вечность. Но случилось не так, как предсказывали знаменитые врачи столицы: болезнь получила благоприятный поворот и послужила для больного опытным доказательством того, что без воли Божией самые настоятельные законы естества не сильны воздействовать на нас.

Все благочестивые упражнения Димитрия Александровича служили подготовкой для того решительного переворота, который он должен был совершить, чтобы осуществить свои давнишние намерения и желания. Но чтобы произвести этот переворот, то есть чтобы совсем порвать все связи с миром, нужен был человек, который бы содействовал этому разрыву, который бы силою своего духа увлек за собою, – нужен был свой Моисей, чтоб вывести нового израильянина из Египта мирской жизни. Таким Моисеем явился для Димитрия Александровича вышеупомянутый иеромонах Леонид⁹. Отец Леонид отличался духовной мудростью, святостью жизни, опытностью в монашеском подвиге; под его руководством образовались многие истинные подвижники благочестия и наставники иночества. Об этом старце много наслышан был Димитрий Александрович от лаврских иноков. Наконец представился случай познакомиться с ним. Отец Леонид прибыл по делам своим в Петербург и остановился в Невской лавре. Там в одинокой беседе с этим представителем тогдашнего монашеского подвижничества Димитрий Александрович почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним: это были великие минуты, в которые старец породил его духовно себе в сына... О впечатлении этой первой беседы Димитрий Александрович высказался после своему другу Чихачову так: «Сердце вырвал у меня отец Леонид – теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении». После этой первой встречи Димитрий Александрович уже не принадлежал более миру, решительный переворот был произведен, требовалось только некоторое время, чтобы окончательно распутать мирские узы.

Вознамерившись совсем оставить службу и удалиться в монастырь, Димитрий Александрович сперва должен был выдержать великую нравственную борьбу, с одной стороны, – с родителями своими, с другой – с сильными мира сего. Эта борьба стоила ему больших усилий. Как физические силы его подрывались постоянно болезнями, так теперь он должен был уготовиться нравственно, чтоб принять напор со стороны власти родительской и государственной, которые устремлялись подавить, сокрушить то, что для него было всего дороже и вождеднее. Сугубую выдерживал он борьбу в молодых годах своих – физическую и нравственную, но как в первой он всегда торжествовал силою духа своего над слабостью плоти, так и во второй явился искусным и надежным борцом со стихиями земной жизни, обещавшей ему много сладостного, великого и славного. В этой последней борьбе окончательно выработался его твердый характер, необходимый для прохождения многотрудной иноческой жизни, требующей самоотвержения, особенной непоколебимости воли, неустрашимости, постоянства и готовности на всякую крайность. Вот та дверь, чрез которую приходилось вступить юному подвижнику на тесный и прискорбный путь иночества.

⁸ ...представления разума, жалостные, основательные, по-видимому, убеждения плоти, казались пред ним ничтожными. – Аскетические опыты. Т. 1.

⁹ ...иеромонах Леонид. – В схиме Лев.

В июне 1826 года Димитрий Александрович получил трехмесячный отпуск от службы и для поправления здоровья отправился на родину, в дом своих родителей. Зная честолюбивое намерение своего отца и не желая притом огорчить родителей решительным объявлением им своей воли, Димитрий Александрович старался исподволь и осторожно приготовить их к предполагаемой перемене жизни, но и это не помогло – Александр Семенович не мог примириться с мыслью о монашестве своего первенца. Он сердился на него, отказывал наотрез, отстранял его от себя, как сына непокорного. Все должен был выносить кроткий и чувствительный юноша, послушный заповеди Спасителя: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10:37). С глубокою скорбью, не получив желаемого согласия, он уехал из дома родительского в столицу. Здесь ему предстояла необходимость сначала сдать окончательный экзамен в Инженерном училище, что он исполнил в конце декабря, и хотя без конкуренции с товарищами по выпуску, сдавшими экзамен гораздо ранее, но по числу баллов он и тут сохранил свое первенство; затем, освободившись от зависимости училищной, он подал в отставку от службы. Тут встретила его новая буря: он должен был иметь дело с высшей властью, должен был отстоять свое заветное желание даже пред Монархом, Которому всецело был обязан воспитанием, образованием и благодарностью за милостивое высокое к нему внимание. Трудно ему было убеждать мирских людей в правдивости своих духовных стремлений, понятных только некоторой горсти чернецов в Невской лавре; тут нужна была решимость отважная; надо было противостоять лишь самоотвержением и силою воли, а не доводами и очевидными указаниями. Ясно, что спор был неравный: надлежало или поддаться, уступить, или показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества.

Государь Император Николай Павлович, узнав о поданной Брянчаниновым просьбе и о желании его идти в монастырь, поручил своему Августейшему брату Великому князю Михаилу Павловичу отговорить всеми любимого воспитанника от такого предприятия. В первых числах января 1827 года Димитрий Александрович был потребован во дворец к Великому князю. Там было собрано все высшее начальство Инженерного училища. Девятнадцатилетний юноша с трепетным сердцем, но твердою волею предстал пред собранием. Великий князь сообщил ему, что Государь Император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и его, Брянчанинова, самолюбию, и его честолюбию. Молодой человек сказал на это, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. «Заботы об этом Государь изволит принять на себя», – прервал Великий князь. «Расстроенное мое здоровье, – продолжал юноша, – о чем известно Его Величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные, и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Великий князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасти душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись – это, Ваше высочество, все равно что стоять в огне и желать не сгореть». Несмотря на убеждения Великого князя, прибегавшего и к ласке, и к угрозе, Брянчанинов оставался тверд в своем намерении и просил оказать ему милость – уволить от службы. Тогда Великий князь решительно возразил ему, что так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему Высочайшая воля: Государь Император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу. Брянчанинов отклонил от себя добровольное избрание. Великий князь обратился к графу Опперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров; тот указал на Динабург. Великий князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду, с приказанием в 24 часа выехать из С.-Петербурга к месту нового служения.

Начальником Динабургской команды был в то время генерал-майор Клименко; ему сообщено было о настроении Брянчанинова и предписано иметь строгий надзор за его поведением. Товарищи по службе сперва не совсем доверчиво относились к Дмитрию Александровичу, но потом переменили свое мнение, увидев истинное благочестие, кротость и благоразумие его. Они даже сделались преданными ему, разделяя его труды по службе вследствие болезненного его состояния. Служебные занятия офицера Брянчанинова состояли в наблюдении за производством разных построек и земляных работ в крепости; он же до того был слаб здоровьем, что принужден был по несколько недель кряду держаться безвыходно в квартире, а потому необходимо нуждался в помощи товарищей по исполнению служебных обязанностей. Одна только переписка с отцом Леонидом поддерживала Дмитрия Александровича в этом одиночестве духовном, так как и с любимым другом своим Чихачовым он был разлучен. Осенью 1827 года Великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость и, убедившись в физической несостоятельности офицера Брянчанинова к отправлению службы, склонился на его неперенное желание получить отставку.

Глава IV

6 ноября 1827 года Димитрий Александрович получил вожденную отставку. Он был уволен с чином поручика и немедленно через Петербург отправился в Александро-Свирский монастырь к отцу Леониду, чтоб под его руководством начать подвиг иночества. Прибыв в Петербург в одежде простолюдина, в нагольном тулупе, он остановился в квартире Чихачова. Здесь условлено было обоим поступить в монастырь, и по возможности немедленно. Чихачов тотчас написал прошение. Выставляя причину домашние обстоятельства, но не получил удовлетворения и должен был еще повременить на службе.

Выход из службы Димитрия Александровича совершился без ведома родителей, а потому, естественно, навлек на себя гнев их. Они отказали сыну в вещественном вспомоществовании и даже прекратили с ним письменные сношения. Таким образом, полная нищета материальная сопровождала вступление Димитрия Александровича в монастырь; он буквально выполнил заповедь нестяжания при самом начале иночества и вполне справедливо мог сказать с Апостолом, как истинный ученик Христов: *Се мы оставихом вся и в след Тебе идохом* (9:27). В «Плаче» своем он так выразил свои чувствования, с которыми вступал на этот новый путь жизни: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышление, в огонь или пучину, как кидается воин, увлекаемый сердцем, в сечу кровавую, на явную смерть. Звезда-руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских»¹⁰.

Беспрекословное послушание и глубокое смирение отличали поведение послушника Брянчанинова в монастыре. Первое послушание было назначено ему служить при поварне. Поваром был бывший крепостной человек Александра Семеновича Брянчанинова. В самый день вступления в поварню случилось, что нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» – и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянувши мешок обеими руками и по приказанию повара прихватив зубами, чтоб удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так уладили его тогда, что он во всю жизнь поминал этот случай. В числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах из простолюдинов, заведовавший ловлею, зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водою, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Димитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье – он сильно простудился. Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение пред прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда не знавшие считали его за недоучившегося семинариста.

Поступив в монастырь, Димитрий Александрович всей душой предался старцу отцу Леониду в духовное руководство. Эти отношения отличались искренностью, прямою, представляли совершенное подобие древнего послушничества, которое не решалось сделать шагу без ведома или позволения наставника. Всякое движение внутренней жизни таких послушников происходит под непосредственным наблюдением старца; ежедневная исповедь помыслов дает им возможность тщательно наблюдать над собою, она предохраняет новонаначального инока от

¹⁰ *Звезда-руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских.* – Аскетические опыты. Т. 1.

вредного действия этих помыслов, которые, будучи исповеданы, подобно скошенной траве, не могут уже возникать с прежней силою. Опытный взор старца-духовника обнаруживает самые сокровенные тайники души, указывает гнездящиеся там страсти и таким образом удивительно способствует самонаблюдению. Чистосердечная исповедь, всегдашняя преданность старцу и всецелое пред ним отсечение воли вознаграждаются духовным утешением, легкостью и мирным состоянием духа, какие свойственны бесстрастию.

Такой род начального подвижничества и в древнее время, когда духовными старцами изобиловали пустыни и монастыри, был уделом немногих послушников. Тем реже он встречается ныне, при заметном оскудении духовного старчества. Димитрий Александрович, как сказано, во всем повиновался воле своего духовного отца, все вопросы и недоумения разрешались непосредственно им. Старец не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения, обучая деятельной жизни.

«Однажды, – рассказывает И. А. Барков, человек весьма благочестивый и достойный всякого вероятия, – ко мне приехал из Свирского монастыря отец Леонид зимой: был жестокий мороз и вьюга, старец приехал в кибитке. Когда вошел он ко мне, я захолопотал о самоварчике и подумал: не один же старец приехал, вероятно, есть какой-нибудь возница – и я стал просить старца, чтобы он позволил ему также войти. Старец согласился. Я позвал незнакомца и немало был удивлен, когда предстал предо мной молодой, красивой наружности человек, со всеми признаками благородного происхождения. Он смиренно остановился у порога. «А что, перезяб, дворянчик? – обратился к нему старец и затем сказал мне: – Знаешь ли, кто это? Это Брянчанинов». Тогда я низко поклонился вознице».

Такой крайне смиряющий образ руководства был предпринят отцом Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому благородному и образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец поступал, как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искренней любовью к Богу предававшемуся иноческим подвигам.

Спустя год представилась надобность отцу Леониду со всеми учениками переселиться из Свирского монастыря, по причине многолюдства этой обители, в другое место. Он направился в Площанскую пустынь Орловской епархии; Димитрий Александрович, в числе прочих учеников, следовал за старцем. В это время прибыл в Площанскую пустынь и Чихачов. Друзья обменялись сердечными приветствиями, порадовались, что опять соединились в тихом приюте монастырского уединения, и стали жить по-прежнему совокупно, связывая себя союзом святейшей дружбы. На такую жизнь вдвоем, отдельно от других учеников, благословил их и старец Леонид.

Глава V

Молодые послушники предались вполне подвижнической жизни: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и блюдении ума. Все силы души были направлены у них к богомыслию и молитве. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались своему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года. Димитрий Александрович, от природы наделенный способностью литературного творчества, любил созерцать картины природы и из них извлекать содержание для своего богомыслия, которое и изображал искусным пером. Здесь он написал свой «Сад во время зимы». К тому же роду литературного творчества принадлежит и другое его произведение – «Древо зимою пред окнами кельи», написанное немного прежде, в Свирском монастыре. В этих двух произведениях высказались взгляды и чувствования богомысленной души, предавшейся религиозной созерцательности под влиянием молитвенных состояний, что испытывается лишь безмолвниками. Но недолго пришлось молодым отшельникам пользоваться мирным приютом в Площанской пустыни: им готовилось тяжкое испытание. Между строителем пустыни иеромонахом Маркеллом и старцем отцом Леонидом возникли неудовольствия, вынудившие последнего оставить Площанскую пустынь и переселиться в скит Оптиной Введенской пустыни, находящейся в Калужской губернии. Брянчанинов и Чихачов также получили приказание немедленно выбыть из обители и отправиться «куда угодно». Поскорбела монастырская братия на безвинное изгнание никому ничем не досадивших благонравных молодых послушников и проводила с чувствами глубокого сожаления и уважения за их тихую и строгую жизнь, дав им на дорогу пять рублей, собранных складчиной. Трудно было с тощим кошельком странствовать двоим товарищам по неизвестной стороне, не имея в виду определенного места; они старались как можно сократить свое путешествие и направлялись к Белобережской пустыни в той же Орловской губернии. На пути они были в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе иеромонах Афанасий, один из учеников вышеупомянутого молдавского старца Паисия Величковского. Димитрий Александрович посетил затворника и много пользовался его душеназидательной беседой о благотворности плача, о чем вспоминает в своих аскетических опытах, приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении». Белобережская пустынь не приютила однако же на жительство бедных странников, и они, продолжая путь далее, прибыли в Оптину пустынь, где поселился их старец отец Леонид с учениками. Настоятель Моисей не соглашался было принять их к себе, но старшая братия сжалилась над бедственным положением скитальцев и уговорила игумена не отгонять их. В мае 1829 года Брянчанинов и Чихачов поселились в Оптиной пустыни, держась того же порядка жизни, какой был у них заведен в Площанской обители.

Пребывание Димитрия Александровича и его товарища в Оптиной пустыни далеко было не таково, как в Площанской. Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относились не совсем доверчиво. Приходилось много скорбеть им при уединенном образе жизни; сама пища монастырская, приправленная постным маслом дурного качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Димитрия Александровича. Они решились сами для себя готовить пищу: с немалым трудом выпрашивали круп или картофеля и варили похлебку в своей келье, ножом служил им топор; готовил пищу Чихачов. Такая трудная и неблагоприятная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Димитрий Александрович, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачов, который был крепче его

телосложением, но вскоре свалился и он, пораженный лихорадкой. Тогда за больным товарищем ухаживал Димитрий Александрович; он хотя усердно исполнял это служение, но тут же сам падал от конечного изнеможения.

Мать Димитрия Александровича была больна. Болезнь – предвестница смерти – обыкновенно изменяет расположение человеческого сердца. София Афанасьевна простила в душе поступок своего сына; материнское чувство заговорило в ней; она пожелала видиться с сыном. Александр Семенович под влиянием этого обстоятельства сам смягчился и написал сыну, что не будет препятствовать его намерениям, пусть он приедет к матери, и одновременно с письмом прислал за ним крытую бричку. Димитрий Александрович поспешил к родителям. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачовым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того. Но встреча в доме родительском была далеко не такова, какую обещало приглашение. Больная родительница Брянчанинова несколько поправилась здоровьем, и мирное чувство, внезапно явившееся в отце по поводу угрожавшего обстоятельства – болезни жены, – исчезло. Он принял сына холодно. Мать хотя и была приветлива, но обошлась со сдержанностью. Таким образом, скитальчество из одного монастыря в другой, тяжкое положение в последнем, болезнь матери и вследствие ее мгновенная вспышка родительских чувств – все это послужило только к тому, чтобы извлечь молодых людей из приюта святой обители и поставить на прежнюю дорогу, лицом к лицу с мирским соблазном. Врагу человеческого спасения нет выгоднейшей сети, как оставление молодыми послушниками стен монастыря под какими бы то ни было благовидными предложениями. Самовольный выход из монастыря – всегда его затея.

Молодые люди расположились под мирским кровом в отдельном уединенном флигеле дома с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным. Но не так думал Александр Семенович. Он обратился к прежней своей мысли возратить сына к мирской жизни и всеми мерами стал склонять его к поступлению на государственную службу; взоры родных и знакомых обращались к нему с той же мыслью; мать хотя и внимала иногда учению сына о душе, спасении и других высоких истинах христианской жизни, но не имела столько самостоятельности, чтоб отдаться вполне его внушениям. Вращающиеся пред глазами соблазны смущали подвижников; шумная толпа нарушала их безмолвие. Молодые люди стали тяготиться своим пребыванием среди мирян и помышляли о том, как бы им скорее выбраться из светского общества, несовместимого с монашеством, и водвориться опять где-нибудь в монастыре.

Проживя начало зимы 1829 года в селе Покровском, в следующем, 1830 году, в феврале месяце отправились оба друга искать себе удобного приюта в стенах монастыря; они направили путь свой в Кирилло-Новоезерский монастырь. В это время там жительствовавший на покое архимандрит Феофан, знаменитый своей святою жизнью и примерным управлением обителью, а настоятельствовал игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель его образа правления. Отец Аркадий отличался простотою нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовью принял их в свою обитель. Но недолго радовались друзья новому месту жительства: неумолимая природа доказала им, что человек состоит не только из души, но и тела. Новоезерский монастырь расположен на острове обширного озера. Сырой климат от испарения воды наделяет жестокою лихорадкой непривычные и слабые организмы. Вскоре почувствовал его вредное влияние Димитрий Александрович; он заболел лихорадкой и три месяца испытывал ее мучительные симптомы без всяких медицинских пособий. Под конец у него стали пухнуть ноги, так что он не мог вставать уже с постели. В июне, когда лихорадка особенно там свирепствует, родители послали за сыном экипаж, чтобы привезти его в город Вологду. Тяжело было это время для Димитрия Александровича: он вынужден был возвратиться опять туда, откуда хотел спастись бегством. В Вологде Димитрий Александрович

поместился у своих родных и стал пользоваться медицинскими средствами от мучившей его лихорадки, которая так глубоко проникла в его организм, что оставила свои следы на весь остальной век. Чихачов, также пострадавший от климата Новоезерской обители, отправился в Псковскую губернию для свидания со своими родителями 13 августа того же 1830 года. Друзья расстались, чтобы каждому отдельно испытать свои силы в борьбе со стихиями мирской жизни.

Глава VI

Рука промысла, доселе невидимо покрывавшая бесприютного скитальца, коснулась сердца преосвященного Стефана, епископа Вологодского: архипастырь проник душевные стремления молодого Брянчанинова и расположился к нему. Преосвященный Стефан так полюбил Димитрия Александровича, что принял в нем самое живое участие, и эта любовь владыки была видимым знаком благоволения Божия к жертве сердца, которую приносил новый Авель: она возвещала благоприятный исход всех понесенных на пути к иночеству испытаний, потому что архипастырь держал в руке своей тот лавр, которым надлежало повить голову юного борца, измученного в брани с миром, плотию и диаволом. Оправившись от болезни, Димитрий Александрович не хотел возвратиться к родителям, а по благословению владыки поместился в Семигородной пустыни. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новою ревностью предался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Здесь написал он свой «Плач инок», в котором выразилось печальующее состояние души, усиленно стремящейся к Богу, но разбитой тревожениями жизни, вследствие чего уделом ее стал только плач на развалинах ее стремлений. Недолго пожил Димитрий Александрович и в Семигородной пустыни; вскоре, 20 февраля 1831 года, он был перемещен по его просьбе преосвященным в более уединенный, пустынный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и зачислен послушником. К этому времени относится первое знакомство преосвященного Игнатия с бывшим настоятелем Николо-Угрешского монастыря архимандритом Пименом. Отец Пимен, тогда еще молодой купеческий сын, так описывает наружность послушника Брянчанинова: «В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи (в Вологде): я был на левом берегу, а он шел по правому. Как сейчас, вижу его: высокого роста, стройный и статный, русский, кудрявый, с прекрасными темно-кариыми глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкою горохового цвета, на голове послушническая шапочка». Далее повествователь восхищается его благородной осанкой, скромной поступью, в высшей степени благоговейным предстоанием в церкви за богослужением и, наконец, самою беседою, которую описывает следующими словами: «Невзирая еще на молодые лета, видно было, что Брянчанинов много читал отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Добротолюбие и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна»¹¹.

Между тем родитель Димитрия Александровича и во время пребывания его в Глушицком монастыре не переставал выражать желание исполнения своих требований: он настойчиво добивался того, чтобы сын оставил монастырскую жизнь и поступил в государственную службу. Тогда новоназначенный послушник стал просить архиерея оказать ему милость и ввиду семейных обстоятельств поспешить постричь его в монашество. Преосвященный, зная хорошо духовное настроение Брянчанинова, решился исполнить его просьбу. Исходатайствовав разрешение Священного Синода, он вызвал Димитрия Александровича из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых, чтоб избежать каких-либо притязаний со стороны их, могущих воспрепятствовать делу, так как намеревался постричь его неожиданно для всех. Стеснительно было такое положение в столь важное время: готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской волны приготовляться к великому обряду.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан совершил обряд пострижения Брянчанинова в малую схиму в кафедральном Воскресенском соборе и нарек Димитрия Игнатием, в честь

¹¹ ...беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна. — Воспоминания архимандрита Пимена.

священномученика Игнатия Богоносца, память которого празднуется Церковью 20 декабря и 29 января. Инок Игнатий сначала в первый, потом в последний из этих дней праздновал свое тезоименитство. Это имя Игнатия указывает еще на преподобного Игнатия князя, вологодского чудотворца, мощи которого почивают в Прилуцком монастыре, где покоятся мощи и преподобного Димитрия Прилуцкого – ангела новопостриженного инока от крещения. Таким образом произведена над ним перемена имен двух чудотворцев, почивающих в одной обители. С именем одного, данным при крещении, соединено воспоминание об обстоятельствах рождения, а имя другого наречено при пострижении, как бы в ознаменование сходства земной участи новопостриженного с преподобным из княжеского рода. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены неожиданным священнодействием, которого они сделали зрители. 4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен преосвященным Стефаном в иеродиакона, а 25-го того же месяца – в иеромонаха и временно оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде, образуемой стенами Кремля, времен царя Иоанна Грозного. Для обучения священнослужению новорукоположенный был приставлен к городской церкви Спаса Обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора.

Родители новопостриженного, разумеется, с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, не состоялась: все планы относительно светской карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Женское сердце, менее упорное в противодействиях обстоятельствам и всегда податливее на взаимности, расположило Софию Афанасьевну благосклоннее смотреть на поступок сына, но духовная сторона была также чужда ей, и мирские понятия брали верх. Все это, конечно, ничего не значило для монаха, который сам добровольно поставляет себя в положение, заставляющее забыть все мирские связи и родственные чувства, но обстоятельства инока Игнатия были не таковы, чтоб это неудовольствие родителей было для него нечувствительно. По пострижении он должен был приютиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Димитрия Ивановича Самарина и вынужден был принять денежное вспомоществование от одной из своих родственниц (г-жи Воейковой). Пребывание в Вологде заставляло его часто возвращаться в круг родных и знакомых: многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой годами, красивый наружностью, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес у алтаря. Вся внешняя обстановка пустыннолюбивого инока была противна его влечениям, он соскучился городской молвою и стал просить покровителя своего преосвященного Стефана отпустить его в Глушицкий монастырь, но преосвященный, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям и благочестивому направлению, а также приличное по отношению его к обществу, удерживал его при себе. В скором времени открылось такое место: в конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го дано звание строителя, причем возложен был на него набедренник.

Глава VII

Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, вологодским чудотворцем, находится в Кадниковском уезде Вологодской губернии, в сорока верстах от Вологды и в семи от Кадникова, расположен на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предположено было его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, чувствовался недостаток в самом необходимом – к продовольствию, а потому и братии было очень мало. Много надо было употребить трудов и забот, чтоб все исправить, обновить, пополнить скудость во всех отношениях. Новый настоятель не унывал; он принялся за дело с энергией. Вскоре потекли пожертвования от благочестивых жителей Вологды, чествовавших память преподобного Григория; монашествующие из тех монастырей, где проживал послушником строитель Игнатий, стали собираться в его обитель и в короткое время составили в ней братство до тридцати человек. Богослужение приведено в надлежащий порядок: обитель и внешне и внутренне обновилась, сделалась неузнаваема против того положения, в каком принял ее строитель Игнатий. Но чего стоило это ему самому? По рассказам одного очевидца, посетившего Лопотов монастырь в зиму 1832 года, строитель Игнатий помещался в сторожке у Святых ворот, когда производилась постройка новой настоятельской кельи.

Смягчилось сердце Александра Семеновича, когда он увидел молодого сына своего в таком сане, какой приличен старческому возрасту, следовательно многое обещавшего впереди. Там, где не могла подействовать внутренняя, духовная сторона, взяла внешняя, и она вполне оказала благотворное влияние свое на Софию Афанасьевну. Строитель сын часто стал бывать в доме родителей: его могучему слову об истинах загробной жизни покорилося сердце матери, часто болевшей и чувствовавшей себя близкою к смерти. Мать напиталась духовными беседами сына; понятия ее изменились; из плотских сделались духовными: она благодарила Бога, что сподобил ее иметь первенца своего в числе Его служителей, тогда как прежде почитала это для себя великим несчастьем. Такая перемена с родительницей на пороге ее жизни несказанно радовала священноинока сына. Напутствованная его назиданиями и молитвами, София Афанасьевна мирно скончалась 25 июля 1832 года. Строитель Игнатий сам совершил обряд отпевания в храме села Покровского. Замечательно, что при этом богослужении сын не выронил ни одной слезы над бездыханным телом матери! И это происходило не от сдержанности, приличествующей предстоятелю священнослужения, или от холодности родственного чувства, а составляло особую черту его духовного характера. Чувство в нем было живо, сыновняя любовь к матери в своей естественной мере, но в нем душевный человек был заменен духовным; чувство плотского родства было вполне проникнуто духовной любовью, которая побуждала не о временной потере жалеть, а желать единственно блаженной участи усопшей – в вечности. Потому такие родственные чувства в иноке Игнатии никогда не обнаруживались своим обычным образом; они отражались в нем глубокой думой и молитвенным, безмолвным благоговением, при полном внешнем спокойствии.

В Лопотовом монастыре строитель Игнатий имел утешение встретиться и опять соединиться по жительству с любимым своим другом Чихачовым. Чихачов сделался деятельным помощником строителя Игнатия по устройству обители; он обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший певческий хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Настоятель Игнатий облек его в рясофор и руководил в духовной жизни.

Вступив на новое поприще начальника иноческого общежития, отец Игнатий был в полном смысле слова аввою общества иноков. Следующий отрывок из его аскетических сочинений изображает нам, каким духом он водился в деле назидания иноков: «Скажу здесь о мона-

стырях российских мое убогое слово, слово – плод многолетнего наблюдения. Может быть, начертанное на бумаге, оно пригодится для кого-нибудь! – Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская, ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силою. Но еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство; еще есть там пища для благочестивых; еще есть там хранение евангельских заповедей, еще там строгое и догматическое и нравственное православие; там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа. Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые в отдалении от знакомства внутри и вне монастыря возделали себя чтением Писания и святых отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания, там – бесплодие.

В чем состоит упражнение иноков, для которого – и самое иночество? Оно состоит в изучении всех заповедей, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу. Инок соделывается зрителем двух природ человеческих: природы поврежденной, греховной, которую он видит в себе, и природы обновленной, святой, которую он видит в Евангелии. Десятословие Ветхого Завета отсекало грубые грехи, Евангелие исцеляет самую природу, болезнующую грехом, стяжавшую падением свойства греховные. Инок должен при свете Евангелия вступить в борьбу с самим собою, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержателями, старающимися удержать человека в своей власти и плене. Всесильная истина освобождает его (см. Ин.8:32); освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама, всеблагий Дух Святой...»¹²

Преосвященный вологодский Стефан, видя неутомимые и полезные труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года, но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние остатки здоровья и наконец совсем уложила его на одр болезни. Чихачов томился душой за своего настоятеля и, не видя никакого другого исхода бедственному положению, осмелился предложить ему свою мысль – переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место. Мысль эта была одобрена игуменом, и решено было ехать Чихачову на свою родину, в Псковскую губернию, хлопотать о перемещении их в один из тамошних монастырей. Напутствованный благословением своего настоятеля, отправился Чихачов в преднамеренный путь. Приехав в Петербург, он обратился к графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской, с которою незадолго прежде имел случай познакомиться. Это было в первую его поездку из Лопотова монастыря, когда он ездил на свою родину для устройства дел семейных; тогда в первый раз встретил он графиню в Новгородском Юрьеве монастыре, в кельях настоятеля, знаменитого архимандрита Фотия. Графиня ласково приняла Чихачова и пожертвовала в Лопотов монастырь несколько книг и 800 рублей денег. С тех пор Брянчанинов и Чихачов пользовались милостивым расположением графини Орловой, что продолжалось до самой ее кончины. На этот раз графиня Анна Алексеевна также радушно приняла Чихачова, дала помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря. Чихачов, находясь в столице, в кругу знатного общества, посещавшего графиню, намеревался уже возвратиться обратно в Лопотов монастырь, но графиня его удержала и советовала ему представиться Московскому митрополиту Филарету, который тогда находился в Петербурге. Чихачов явился на Троицкое подворье. Высокопреосвященный милостиво принял лопотовского

¹² Всесильная истина освобождает его (см. Ин.8:32); освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама, всеблагий Дух Святой... – Аскетические опыты. Т. 1.

монаха и сказал: «Мне не безызвестны жизнь и качества игумена Игнатия» – и предложил тому настоятельское место в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре своей епархии, если пожелает он туда переместиться, обещаясь потом доставить и лучшее. Чихачов поблагодарил милостивого владыку и осмелился выразить пред ним опасение, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься из Вологодской епархии, так как он пострижен лично вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, – сказал митрополит, – я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Преосвященный Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братии третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа строителем, и, будучи, он в сей новой возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия и облачений, и многих других для благолепия церковного служащих вещей, и 2) устройением настоятельских и братских келий, а потом поправкою многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично-похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высокопреосвященства».

Чихачов, обрадованный столь успешным исходом своего ходатайства, отправился из Петербурга на родину в Псковскую губернию, чтоб навестить своих родителей. Здесь, вскоре по приезде, получает он письмо от графини Орловой-Чесменской, в котором она извещает его, что все события жизни игумена Игнатия и его самого дошли до сведения Государя Императора Николая Павловича и что Его Императорское высочество изволил вспомнить бывших своих воспитанников и приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург, для личного представления Ему, причем прибавил, что если Игнатий Ему также понравится, как и прежде, то Он его митрополиту Филарету не отдаст. Высокопреосвященный Филарет, во исполнение этой Высочайшей воли, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя вологодского епископа Стефана просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным собственноручным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, – писал Московский владыка, – потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в С.-Петербург. К этому времени возвратился туда и Чихачов, с нетерпением ожидавший приезда своего игумена. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедленно представился митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье, где и поджидал он времени, когда будет назначено ему явиться к Государю.

В назначенный день и час игумен Игнатий представился Государю в Зимнем дворце. Государь обрадовался, увидев своего воспитанника, «а радость, – пишет Чихачов, – предстать любимому Царю, полнота благодарного чувства за все Его Монаршие милости доводили до благоговейного восторга теплую душу инока верноподданного». После некоторых объяснений Государь изволил сказать: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь – на нем ты и уплати Мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем Он повел игумена на половину к Государыне Императрице Александре Феодоровне. Войдя к Ней, спросил Ее: узнает ли Она этого монаха? На отрицательный ответ Он назвал игумена по фамилии. Государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пенсионеру и заставила благословить всех детей Ее. Государь тут же изволил послать за обер-прокурором Синода Нечаевым, который доложил Его Величеству, что Сергиева пустынь имеет особое назначение – она отдана викарному епископу при С.-Петербургском митрополите и доходами ее пользуется епископ взамен содержания от духовной администрации. Тогда Государь приказал справиться, как велика сумма дохода, получаемая викарным епископом от монастыря, и в этом размере производить ему выдачу суммы из кабинета, а монастырь сдать в полное управление назначенного Им настоятеля. Обер-прокурор объявил Святейшему Синоду Высочайшую волю, и преосвященному Венедикту, бывшему тогда викарным, дан указ Синода сдать пустынь игумену Игнатию, а самому получать 4000 рублей ассигнациями содержания от кабинета. Тогда же, по распоряжению Синода, игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита, что исполнено было в Казанском соборе 1 января 1834 года, а 5-го числа того же месяца новый настоятель выехал в свою обитель в сопровождении Чихачова и только что принятого в келейники двадцатидвухлетнего юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через двадцать три года, сделался преемником своего старца в настоятельстве обители, с саном архимандрита.

Слово о человеке

*Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждены были.
(1 Кор. II, 31)*

Введение

Из монастырского уединения смотрю на видимое нами великолепное и обширное мироздание – поражаюсь недоумением и удивлением. Повсюду вижу непостижимое! Повсюду вижу проявление Ума, столько превышающего мой ум, что я, созерцая бесчисленные произведения Его в необъятной картине мира, вместе не могу понять окончательно ни одного произведения Его, ни одного действия Его. Мне дана возможность созерцать только ту часть творения, которая доступна моим чувствам; мне дана возможность осязательно убедиться в существовании вещества, доступного для чувств моих по его свойствам, недоступного для меня по ограниченности моей¹³; мне дана возможность заключать со всей достоверностью по веществу, подверженному моим чувствам и исследованию, о существовании вещества, недоступного для меня по тонкости его; мне дано узнать, что природа управляется обширнейшим, премудрым законодательством, что законодательство это одинаково объемлет и громаднейшие и самонаименьшие творения. Ничто из существующего не изъято из подчинения законам. Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтоб из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего¹⁴. Возвещает Его, громко проповедует природа. Во мне естественно существует понятие о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачимым сознанием, которое почерпает душа из рассматривания природы чистым оком. Непостижима она для меня! Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение ее! Должна быть она непостижимой, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и в своих путях огромные светила небесные: столько же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами. Она тянет из земли нужные для себя соки, разлагает их, образует из них свойственные себе качество, вкус, запах, цвет, плод; возле нее другой стебелек, из той же земли, из таких же соков, вырабатывает принадлежности совсем иные, следуя отдельным, своим законам, и часто возле вкуснейшей ягоды или благовоннейшего цветка произрастает злак, налитый смертоносным ядом.

Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя – человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего. Мне неизвестно, что сделается со мною чрез день, чрез несколько минут. Постоянно встречаюсь с неожиданным. Постоянно нахожусь под влиянием обстоятельств и обстановки, которые порабащают меня себе. Одна привычка, одна проводимая

¹³ Так, например, вещество, из которого составлена Земля, доступно для наших чувств. Но кора Земли исследована только на самую незначительную глубину: дальнейшее исследование превышает средства человеческие, и доступное само по себе делается недоступным по невозможности исследования (здесь и далее прим. авт.).

¹⁴ Рим. I, 20.

безрассудно жизнь мирит с таким странным положением. Не может оно укрыться от наблюдателя. Что делается со мною, когда я, пробыв на земле срочное время, исчезаю с лица ее, исчезаю в неизвестность, подобно всем прочим человекам? Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью. С понятием о смерти соединено понятие о прекращении существования; но во мне живет убеждение невольное, естественное, что я – бессмертен. Чувствую себя бессмертным: постоянно действую из этого чувства. Умиравшие при сохранении сознания говорят и действуют, как отходящие и переселяющиеся, отнюдь не как уничтожающиеся. Человек – тайна для самого себя.

Неужели эта тайна запечатана окончательно и нет никакого средства раскрыть ее? Да! Запечатал ее для человека грех, запечатало ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, дотоле тайна – человек – пребывает для меня неразъяснимой: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее. Не понимаю души моей, не понимаю тела моего; понятия, которые думаю иметь о них, оказываются, при рассмотрении не поверхностном и нелегкомысленном, очень недостаточными, по большей части ошибочными. Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами. Тайна – человек – отверзается в степени, доступной и нужной для нас, вочеловечившимся Богом, Господом нашим Иисусом Христом, в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна¹⁵. Приобретаемое при посредстве Божественного откровения познание о человеке все еще остается относительным: относительным к ограниченности постижения нашего, относительным к существенной нужде нашей в познании. Бог дарует нам самовоззрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения или, что то же, для вечного блаженства нашего; но основная причина создания человека, существенное условие бытия его, самое существо его ведомы единому Богу. Действия неограниченного Творца не могут быть объяснены со всей точностью тварям, хотя и разумным, ни постигнуты ими. Полное и совершенное познание всех тварей имеет один Творец их, Бог. Это познание отличается от познания, свойственного и возможного нам, различием бесконечным.

Озаряемые светом Слова Божия, светящего нам из Священного Писания и из писаний Святых Отцов, мы предлагаем здесь учение Святого Духа о человеке, предлагаем сообразно скудости способностей наших, особливо же сообразно скудости духовного преуспеяния нашего. Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здоровым и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания. Поступая так, мы последуем завещанию Духа, завещавшего христианству чрез посредство апостола: *Блудитесь, да никтаже вас будет прельщая философия и тщетную лесть, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе*¹⁶.

¹⁵ Кол. 2, 3.

¹⁶ Кол. 2, 8. Преподобный Макарий Великий, беседа 49, 4.

Определение человека

Что такое – человек? На этот вопрос отвечает человекам Апостол: *вы есте церкви Бога Жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожу, и буду им Бог, и тиши будут Мне людие*¹⁷. Священное Писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. *Егда нечистый дух, – сказал Спаситель, – изыдет от человека, преходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретае. Тогда речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох: и пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою семь иных духов лютейших себе, и вшедшие живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых*¹⁸. Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца. Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человекам преуспевать как в добре, так и во зле во время всей земной жизни, говорит: *Яко камене живо зиждитесь в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. В величем дому мира не точию сосуди злати и сребряни суть, но и деревяни и глиняни; и ови убо в честь, овиже не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце*¹⁹. Дана свобода, но воля Божия пребывает неизменною: *Сия есть воля Божия – святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы, не ведающи Бога. Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отменяя, не человека отменяет, но Бога, давшего Духа Своего Святаго в нас*²⁰. Соделывается человек сосудом и жилищем Божиим посредством христианства; устраивается и украшается жилище действием Святого Духа: *вы созидаетесь, – говорит Апостол, – в жилище Божие Духом*²¹. Вожделенно для человека удовлетворение Божественной цели! Вожделенно для человека достижение достоинства, предоставленного ему Богом! Достоинство это при сотворении человека было даром Божиим; потерянное падением, оно по искуплении опять соделалось даром Божиим. *Преклоняю колена моя, – пишет святой Павел к Ефесеям, – ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша*²². Достоинство даровано и законоположено Богом: отвержение достоинства влечет за собою вечную погибель. *Будите во Мне и Аз в вас, – сказал Спаситель всем ученикам Своим – христианам. – Якоже розга не может плода сотвориши о себе (сама собою), аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсыщет, и собирают, и во огонь влагают, и сгорае*²³. Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой

¹⁷ 2 Кор. 6, 16.

¹⁸ Мф. 12, 43. Лк. 11, 24. См. объяснение этих слов Евангелия блаженным Феофилактом Болгарским, также в Слове о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу (Аскетические опыты, т. II, изд. 1865 г.).

¹⁹ 1 Пет. 2, 5; 2 Тим. 2, 20, 21.

²⁰ 1 Сол. 4, 3–8.

²¹ Еф. 2, 22.

²² Еф. 3, 14, 16, 17.

²³ Ин. 15, 4–6.

возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим²⁴. Соделались храмами Божества все избранники Божии, как говорит о себе святой Апостол Павел: *Живет во мне Христос*²⁵. Неудовлетворивших Божественному назначению он называет не тем, чем они должны быть. Или не знаете себе, – говорит он, – *яко Иисус Христос в вас есть? Разве точно чим неiskusни есте, то есть* (по русскому переводу) *«разве только вы не то, чем должны быть»*²⁶. За неудовлетворение человеком назначению своему Апостол возвещает ему вечное бедствие. *Не весте ли*, – говорит он, – *яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит*²⁷, растлит сего Бог отступлением от него, преданием собственному состоянию падения, общению с падшими духами и последствию их – погребению на веки во адской огненной бездне. *Храм Божий свят есть, иже есте вы*, – то есть «храм Божий свят, а этот храм – вы»²⁸. *Не только души, но и телеса ваша храм живущего в вас Святого Духа суть, Егоже имате от Бога, получив в себя при таинстве крещения, и несте свои: куплени бо есте ценою Крови Богочеловека. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия*²⁹. Основываясь на этих свидетельствах Святого Духа, определяем человека так: «Человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу».

Предлагаем возлюбленным братьям, инокам и всем вообще подвижникам христианства, желающим подвизаться правильно, законно, соответственно воле Божией, предлагаем обратить должное внимание на сделанное нами определение человека! Указание и объяснение правильного подвига составляет цель нашего убогого Слова. Плод правильного, предначертанного Святым Духом подвига – обновление подвижника Божественною благодатью и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храм – человеке. «Тех, которые не ощущают вселения Христова, – сказал некоторый великий Отец, – Священное Писание именует неiskusными, то есть не знающими опытно христианства»³⁰. К правильному подвигу, как к существенно необходимому, приглашает Апостол служителя Христова. *Злопостражди*, – говорит он, – *яко добр воин Иисус Христов. Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися*³¹.

Естественно, что учение Священного Писания о человеке возвещается и проповедуется единогласно Отцами Православной церкви. «Мы дом Божий по слову пророческому, Евангельскому и Апостольскому», – сказал преподобный Марк Подвижник³². Святой Иоанн Златоуст говорит: «Благодать Святого Духа соделывает нас самих, если мы проводим благочестивую жизнь, храмами Божиими, и мы получаем способность молиться на всяком месте. Не таково у нас богослужение, каковым было оно некогда у иудеев, сопряженное со значительной наружной обстановкой, нуждавшееся в многих обрядах. Там намеревавшемуся принести молитву долженствовало прийти ко храму, купить горлицу, иметь в руках дрова и огонь, пригласив жреца, приступить к алтарю, сверх того, исполнить много других постановлений: здесь ничего нет такого; где бы ты ни был, приуготовлен тебе и алтарь, и жрец, и жертва. Ты сам и алтарь, и священник, и приношение»³³. *Вы есте церкви Бога Жива*³⁴. «Этот дом укрась, извергни всякое греховное помышление, чтоб соделаться драгоценным членом Христа, чтоб соделаться храмом

²⁴ Ин. 14, 23.

²⁵ Гал. 2, 20.

²⁶ 2 Кор. 13, 5.

²⁷ «Растлевати» – соблазнять, развращать; разорять, сокрушать, повреждать.

²⁸ 1 Кор. 3, 16–17.

²⁹ 1 Кор. 6, 19–20.

³⁰ Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 27.

³¹ 2 Тим. 2, 3, 5.

³² Гл. 224. О мнящихся от дел оправдаться.

³³ Sanct. Chrysost., pag. 667. Sermo de Anna. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 4, с. 820.

³⁴ 2 Кор. 6, 16.

Духа»³⁵. Основания иного никтоже может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос³⁶, о Немже всяко создание составляемо (то есть зиждется всякое здание)³⁷. Самое дело, будучи рассмотрено со вниманием и точностью, показывает, что основание иначе положено быть не может, как трезвенным и правильным жительством. Здание растет, – говорит Апостол, – в церковь Святую о Господе, – часто повторяет он это, – в святой храм, в жилище Божие Духом³⁸. Что это за здание? Храм, предназначаемый в обитель для Бога. «Каждый из вас есть храм, и все вообще составляете храм, в котором живет Бог, как в Теле Христовом, как в духовном храме»³⁹. Учение святого Иоанна Златоустого читаем и в возвышенных словах святого Исаака Сирского. Епископ Ниневии и отшельник в пустынях Месопотамии, а потом Египта (Исаак) уясняет это учение из опытов святого подвижничества. «Держаю утверждать, – говорит Исаак, следуя святому Павлу, – что мы – храм Божий. Очистим храм Его, потому что Он чист, чтоб Он возжелал вселиться в него. Освятим его, потому что и Он свят. Украсим его всеми делами благими и благолепными. Покадим его кадилом – упокоением Бога, исполнением воли Его, чистою и сердечною молитвою, которой невозможно стяжать при частом общении с миром участием в действиях его⁴⁰. Тогда осенит душу облак славы Божией, и свет величия Его воссияет внутри сердца»⁴¹. Небо – внутри тебя, если будешь чист: в самом себе увидишь ангелов со светом их, и Владыку их с ними и внутри их. Сокровище смиреномудрого внутри его: оно – Господь⁴². Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Что значит пребывать в попечении о суде Его? Не что иное, как непрестанно изыскивать все средства к упокоению Его⁴³, непрестанно скорбеть и печалиться по причине немощи естества нашего, непопускающей нам достигнуть совершенства, непрестанно заботиться о том, чтоб постоянно содержать в душе своей непрерывающуюся память Божию⁴⁴, как сказал блаженный Василий. Сосредоточенная молитва, чуждая развлечений, соделывает в душе волю Божию явственной. В этом заключается вселение Бога в человека, когда Бог, постоянным памятованием Его, напечатлется (водрузится) в человеке⁴⁵. Святому Исааку был предложен вопрос: «В чем заключается совокупность всех частных подвигов жительства, то есть безмолвия, чтоб по ней подвижник мог уразуметь, что он достиг совершенства в жительстве?» Великий Отец дал вопросу следующее решение, которое можно было дать только из глубокой подвижнической опытности: «Когда безмолвник достигнет постоянного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшей грани всех добродетелей и отселе соделался жилищем Святого Духа. Если кто с достоверностью⁴⁶ не приял в себе благодати Утешителя, тот не может свободно пребывать таким образом в молитве. Дух, говорит Писание⁴⁷, когда вселится в кого из человеков, не престаёт от молитвы: потому что Сам Дух непрестанно молится.

³⁵ Sanct. Chrysost., I, pag. 915. Contra iudeos sermo VI. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, с. 718.

³⁶ 1 Кор. 3, 11.

³⁷ Еф. 2, 21.

³⁸ Еф. 2, 21, 22.

³⁹ Sanct. Chrysost., XII, pag. 14. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 11, с. 50.

⁴⁰ Очевидно, что это участие может быть лишь сердечным: и такого участия достаточно для отъятия у сердца сосредоточенной, неразвлеченной молитвы. Чтоб стяжать неразвлеченную молитву, должно верою возложить все попечения свои на Бога.

⁴¹ Слово 68-е.

⁴² Слово 8-е.

⁴³ Упокоевается Бог человеком тогда, когда человек пребывает в преданности и покорности воле Божией, или, что то же, в учении Евангелия.

⁴⁴ Память Божия или Поучение состоит в непрестанной молитве. См. о сем во 2-й части «Аскетических опытов».

⁴⁵ Слово 89-е.

⁴⁶ Присовокупление этого слова служит намеком, что многие, чуждые благодати, приписывают ее себе, а другие признают благодатью вкрадшуюся в них бесовскую прелесть.

⁴⁷ Рим. 8, 26.

Тогда молитва не пресекается в душе ни во время сна, ни во время бодрствования; но ест ли человек или пьет, или что другое делает, даже во время глубокого сна, благоухания и пары молитвы этой без труда источаются из его сердца. Тогда молитва не отлучается от подвижника, но постоянно пребывает в нем и с ним: если она и умолкает по наружности на краткое время, то тайно она же служит в нем»⁴⁸.

Преподобный Макарий Великий очень часто в глубоких беседах своих к совершенным христианам обращается к объяснению назначения, данного человеку Творцом. Он постоянно выражается о человеке, как об обители, храме, сосуде, Престоле Божества. *«Благоизволил Небесный Отец обитать во всяком, верующем в Него и просящем у Него»⁴⁹. Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой! Таково благоволение неизглаголанной Божией благодати»⁵⁰. Внутренний человек есть некое живое существо, имеющее свой образ и вид: внутренний человек есть подобие внешнего человека. Это – превосходнейший и драгоценнейший сосуд, потому что Бог благоволил о нем более, нежели о всех тварях»⁵¹. Престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума есть Божество и Дух. Подобно этому, по преступлении заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол, воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений, в которых они обитали. Господь очистил совесть, соделал Своим престолом разум, помышление и тело»⁵². Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как и в общении с ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святого Духа. Итак, рассматривайте, братия, совесть вашу: с кем вы находитесь в общении, с ангелами ли или с демонами? Чей вы храм и жилище, Божие ли или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце ваше, благодатным ли или сатанинским? Как дом, оскверненный зловонием и нечистотами, должно, во-первых, окончательно очистить, потом украсить и наполнить всяким благоволением и сокровищами: так должно нам очистить и сердце, чтоб вместо сатаны пришел Дух Святый и почил в душах христианских»⁵³. Души, ищущие естеству своему Странника, то есть освящение Святого Духа, прилепляются всею любовью своею ко Господу, в Нем живут, в Нем молятся, к Нему устремляют все помышления свои, презирая все прочие блага мира. За это они удостоиваются приять елей Божией благодати. После этого они могут проводить жизнь свою беспреткновенно, во всем вполне благоугождая духовному Жениху. Но души, пребывающие в одном собственном естестве, пресмыкающиеся помышлениями своими по земле, занятые попечениями единственно о земном, – разум их живет в стране дольней. Сверх того – что хуже всего – обольщенные самомнением и упорные в нем, они признают себя, будучи украшены плотскими правдами»⁵⁴, истинными невестами Небесного Жениха. По самой же вещи их невозможно признать рожденными Свыше, как неприявших елей радости»⁵⁵. Дом, в котором не живет господин его, находится в темноте, нечистоте и*

⁴⁸ Слово 21-е. Святой Исаак согласно с прочими Отцами (Слово 1, Слово 84) научает, что Христос насаждается в сердца наши таинством Святого Крещения, как семя в землю. Дар этот сам собою совершен, но мы его или развиваем, или заглушаем, судя по тому, какое проводим жителство. По этой причине дар сияет во всем изысцестве своем только в тех, которые возделали себя Евангельскими заповедями и по мере этого возделания. См. Преподобного Марка Подвижника «Слово о крещении», Ксанфопулов главы 4, 5 и 7; также Слово о трех отношениях естества человеческого к добру и злу («Аскетические опыты», ч. 2).

⁴⁹ Ин. 14, 21, 23.

⁵⁰ Беседа XVIII, гл. 6.

⁵¹ Беседа XVI, гл. 7.

⁵² Беседа VI, гл. 5.

⁵³ Беседа XXVII, гл. 19.

⁵⁴ То есть правдами плотского мудрования или ветхого человека, отверженными Богом. Богу благоугодна одна Евангельская правда.

⁵⁵ Беседа IV, гл. 6.

запустении, наполняется сором и смрадом: так и душа, в которой не обитает Господь с ангелами, наполняется греховным мраком, скверными и унижительными страстями. Горе пути, по которому никто не ходит, на котором не слышится человеческого голоса! Такой путь соделывается притоном зверей. Горе душе, в которой не ходит Господь и не прогоняет из нее Своим гласом зверей – духов злобы! Горе дому, когда не обитает в нем владелец его! Горе земле, когда нет земледельца, который бы возделывал ее! Горе кораблю, не имеющему кормчего! Он сокрушится и погибнет от морских волн и бури! Горе душе, не имеющей в себе истинного кормчего Христа! Находясь в горестном и мрачном море, обуреваемая волнами страстей и духами злобы, бедствуя как бы от тяжелой непогоды, наконец, она подвергается гибели! Горе душе, если она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтоб она могла приносить благие плоды Духа! Будучи оставлена, она порастает терниями и волчками и, наконец, подвергается потреблению огнем. Горе душе, если она не имеет обитающим в себе Господа своего Христа! Будучи оставлена, она наполняется смрадом страстей и соделывается жилищем пороков»⁵⁶.

⁵⁶ Беседа XXVIII, гл. 1, 2.

Мироздание

Сообразно определению, данному нами человеку, мы намереваемся изобразить по силам нашим чудное зодчество этого словесного храма Божия; мы намереваемся начертать духовную и нравственную историю его от создания до кончины мира: и человек сам собою, и история его представят фактическое убеждение, что единственно то назначение, которое указывается человеку Словом Божиим, а не иное, свойственно ему.

Человек сотворен Богом. Сотворением человека Творец заключил мироздание, то есть сотворение миров, видимого и невидимого. Он, прежде нежели приступил к созиданию окончательной твари, в которой восхотел сочетать миры видимый с невидимым, приуготовил для этой твари жилище – землю. Извлекал Он все из ничтожества единым словом; творил Он из преждесотворенных тварей твари новые единым словом. Для совершенного в премудрости Зиждителя труд размышления или обдумывания был излишен; для всемогущего Зиждителя труд созидания был излишен: все являлось по Его мысли, по Его слову. Его мысль есть Его слово, и Его слово есть мысль Его. *Той рече, и быша: Той повеле, и создашася*⁵⁷. На глас Божий явились небо, земля, светила небесные, отделились от земли воды в свои хранилища, потом земля покрылась произрастениями, населилась различными животными. Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. *Виде Бог, по совершении всего мироздания, вся, елика сотвори: и се добра зело*⁵⁸. Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение⁵⁹; создана была она для вечности. Боговдохновенный Бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своем, не нуждалась в возделывании⁶⁰: сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастений не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: *Терния и волчцы возрастит тебе земля*⁶¹. По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою – самую ясную и благо-растворенною. Дождей не было: *источник исходил из земли, и напаявал лицо ее*⁶². Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями⁶³. Гнев Творца изменил землю. *Проклята земля в делех твоих*⁶⁴, – сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвещающим сожжение ее, содействующим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе

⁵⁷ Пс. 148, 5.

⁵⁸ Быт. 1, 31.

⁵⁹ 2 Пет. 3, 10: Придет день Господень яко тать в нощи, вонже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят.

⁶⁰ Быт. 2, 5.

⁶¹ Быт. 3, 18.

⁶² Быт. 2, 5, 6.

⁶³ Быт. 1, 30.

⁶⁴ Быт. 3, 17.

насилъно и содержит в повиновении насилъно; с другими он – во вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностью к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелья гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервенением кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилося проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свой, смерть, которую они ощутили и в душе и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были без сомнения зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения⁶⁵; наконец, явилась смерть между людьми от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником⁶⁶. До греха не было в мире смерти. Смерть вошла в мир грехом⁶⁷, быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром; самое небо свиется, как одежда, и исчезнет⁶⁸. Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас Книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека.

Мы упомянули выше о мирах видимом и невидимом⁶⁹. Это понятие – относительное. Оно образовалось в нас из состояния падения, в котором мы находимся, в котором очень естественно называть видимую нами часть создания Божия миром видимым, а невидимую – миром невидимым. В сущности этого разграничения нет⁷⁰. К невидимому миру мы причисляем ангелов и ту часть вселенной, которая служит жительствою для них. Бытописатель ничего не говорит о сотворении ангелов, но из Священного Писания видно, что они сотворены прежде видимого мира. Описание мироздания заключается единственно в описании сотворения видимого мира, который мы также называем миром вещественным. Это название – опять относительно; в описании мироздания говорится о предметах вещественного мира, находящихся вне земли, только по отношению их к земле и человеку. Дух Святой поведает нам о мироздании столько, сколько требует того существенная наша нужда, а не столько, сколько желало бы любопытство кичащегося разума, злоупотребляющего познаниями. Так, поведается о светилах небесных, что они сотворены с целью *освещати землю, и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по Земли*

⁶⁵ Быт. 4, 4.

⁶⁶ Быт. 4, 8.

⁶⁷ Рим. 5, 12.

⁶⁸ 2 Пет. 3, 10; Апок. 6, 14.

⁶⁹ Мироздание описано в 1 и 2 главах Книги Бытия.

⁷⁰ Действие чувств в святых мужах, обновленных Святым Духом, гораздо обширнее, нежели у людей, пребывающих в области падения. Даже некоторые механические средства, каковы зрительные трубы, телескоп, микроскоп и другие, распро­страняют действие чувств и соделывают видимым то, что в обыкновенном состоянии нашем невидимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.